

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1Распутин.07: 82.09

Т.Ф.Гришенкова
Сургут, Россия

T.F.Grishenkova
Surgut, Russia

ИЗОБРАЖЕНИЕ РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В КОНТЕКСТЕ ХРИСТИАНСКОГО МИРООЩУЩЕНИЯ (ПО ПОВЕСТЯМ В.Г.РАСПУТИНА «ПОСЛЕДНИЙ СРОК» И «ПРОЩАНИЕ С МАТЁРОЙ»)

PORTRAYAL OF RUSSIAN NATIONAL CHARACTER IN TERMS OF CHRISTIAN WORLDVIEW (AS EXEMPLIFIED BY V.G.RASPUTIN'S SHORT NOVELS "THE LAST TERM" AND "FAREWELL TO MATYORA")

Аннотация. В статье рассматривается эсхатологическая традиция при изображении русского народного характера в повестях В.Распутин «Последний срок» и «Прощание с Матёрой». Данная традиция реализуется в представлениях героев о предназначении человека, о бессмертии, которое видится им в преемственности поколений, непрерывности родовой цепи. Писатель осмысляет основные метафизические вопросы — загробного существования души, смысла человеческого бытия — в центральных христианских понятиях.

Ключевые слова: русский национальный характер; эсхатологическая традиция; преемственность поколений; религиозное мироощущение; укорененность в народной жизни, родной земле и природе.

Сведения об авторе: Гришенкова Татьяна Федоровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации.

Место работы: Сургутский государственный университет.

Контактная информация: 628418, г. Сургут, проспект Мира, д. 5, кв. 33; тел. 89222514292.
E-mail: g.t.f.1991@yandex.ru

Abstract. The article explores the eschatological tradition used in portrayal of the Russian national character in V.Rasputin's short novels "The Last Term" and "Farewell to Matyora". This tradition is inherited in the way the characters see the purpose of human life and immortality which they believe is confined in the generational continuity. The writer cogitates on important metaphysical questions — life after death, meaning of human existence — using fundamental Christian definitions.

Key words: Russian national character; eschatological tradition; generation continuity; religious worldview, rootedness in homeland.

About the author: Tatiana Fyodorovna Grishenkova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor at the Department of Linguistics and Cross-cultural Communication.

Place of employment: Surgut State University.

Одной из главных особенностей творчества современного русского писателя В.Распутин является философское осмысление жизни. Писательское представление об идеальной картине мира дается через мировидение главных героев его произведений. Как религиозный художник В.Распутин изображает идеального героя наделенным традиционным религиозным мироощущением, которое разрабатывает в свете эсхатологической традиции. Концепция русского национального характера в творчестве русского прозаика неразрывно связана с такими понятиями, как преемственность поколений, духовная память, укорененность в народной жизни, родной земле и природе.

Художественные открытия В.Распутин в области исследования народного характера связаны с углублением отдельных граней личности соотечественника, целостное видение которой писатель реализовал в «Последнем сроке».

Мы видим старуху Анну в самом начале повести физически немощной: «вся ее жизнь в том, чтобы сесть, посидеть, опустив на пол ноги, а потом опять лечь и лежать» [8. Т. 2. С. 7]. Но даже в таком состоянии героиня способна тонко восчувствовать естественную взаимосвязь земного и небесного: «Солнце по утрам не попадало в избу, но, когда оно взошло, старуха узнала и без окошек: воздух вокруг нее заходил, заиграл, будто на него что дохнуло

со стороны. Она подняла глаза и увидела, что, как лесенки, перекинутые через небо, по которым можно ступать только босиком, поверху бьют суматошные от радости, еще не нашедшие землю солнечные лучи» [8. Т. 2. С. 50].

Впечатляюще и зримо рисуя картины природной жизни, В.Распутин не ограничивается задачей пластического изображения бытовой реальности. Писателю чрезвычайно важно передать за внешними приметами существования природы ощущение сути ее глубинного бытия. При этом он руководствуется принципами русской национально-философской традиции, с точки зрения которой природа никогда не была враждебна человеку.

Вот и распутинская Анна Степановна от рождения и до смерти ощущает свое родство с природой. Теперь, когда старуха «мучалась, чтобы выжить», даже «день выдался с умыслом, ... умысел этот вполне мог касаться старухи — день был мягкий и легкий и ровно сошелся над самой деревней, а то и над самой старухиной избой. Время уже придвигалось к обеду, а он так и не расшумелся, тек тихо и близко, оберегая кого-то от вредного беспокойства. Небо с утра приспустилось ниже и вдруг задумалось, но и не сильно, в ожидании...» [8. Т. 2. С. 26]. В. Распутин сумел выявить и в высшей степени достоверно отобразить в характере русской женщины-крестьянки то, что могло показаться привилегией сознания высоко интеллектуальной личности: способность соотнести самые тонкие, глубинные движения своей души с бытием мироздания.

Сила и стойкость характеров распутинских героев как раз и проистекает из органичной, бесхитростной уверенности, что они нужны жизни, как и она им. (Например, Кузьма из «Денег для Марии» был убежден, что есть дни, которые приходят для него одного и приносят удачу). Но чувство собственной выделенности, осознание своих возможностей являются условиями чуткого восприятия окружающего мира. Они помогают героине проникнуться ощущением тайного движения мироздания. «Старуха лежала, слушала — слушала, с каким вниманием дышит в ночи изба, освещенная колдовским ясным светом звезд, слушала глухие невольные вздохи дремлющей земли, на которой стоит изба, и высокое яркое кружение неба над избой, и шорохи воздуха по сторонам — и все это помогало ей слышать и чувствовать себя, то, что навсегда выходило из нее в ночной простор, оставляя плоть в легкости и пустоте» [8. Т. 2. С. 145]. Ощувив свою продолженность в мире, Анна приходит к заключению, что судьба ее сложилась удачно: вся она была отдана главному — продолжению рода, жизни на земле. Готовность к осуществлению этого «общего дела» (Н.Федоров) является свидетельством личностного потенциала героини В.Распутина, определяет основу ее характера.

Ощущение вечного круговращения жизни, в которое героиня «Последнего срока» погружена, порождает у нее глубокие размышления о бытии. Это закономерно, ибо труд земледельца сосредоточен на главном: кругообороте жизни, происходящем из семени, проросшего, прогнившего и явившегося миру новым ростком, а затем колосом. Но это и один из истоков самобытности характера русского человека. Все это рождало стойкие представления о всеобщности душевных превращений. И вдруг теперь, перед самым концом ей показалось: «Как, чем была, ползала, ходила или летала, она не помнила, не догадывалась, но что-то подсказывало ей, что она видела землю не в первый раз» [8. Т. 2. С. 151]. В ожидании прикосновения смерти Анна подводит итог земного существования: «Вот и побыла она человеком, познала его царство» [8. Т. 2. С. 151].

Вот такая сосредоточенность в себе и одновременно ощущение единокровной слитности с природой, по мысли Распутина, рождены способностью воспринимать мир, жизнь как неразложимую цельность. Анна Степановна всегда ощущала свою причастность к красоте и тайне мира. Перед смертью она вдруг вспомнила себя в самый дивный момент своей жизни. «Только что прошел дождь, короткий, буйный, окатный ... а уже солнце, поляны дымятся, с деревьев и кустов капает набрякшими, тяжелыми каплями, там и там по траве, как жучки, катятся росинки, в реке еще плавают пузыри, ходит пена — все чисто

и азартно блестит, пахнет остро, свежо, звенит от птиц и стекающей воды. Земля, опьяненная дождем, раскрылась, распахнулась догола, дышит утомленно, с наслаждением, ибо над ней снова глубокое, ясное, голубое» [8. Т. 2. С. 149]. Это был миг нравственного переживания красоты, торжественное ощущение собственной нерасторжимости с этим миром: «Она не старуха — нет, она еще в девках, и все вокруг нее молодо, ярко, красиво. Она бредет вдоль берега по теплой, парной после дождя реке, загребая ногами воду и оставляя за собой волну, на которой качаются и лопаются пузырьки... Она все бредет, не спрашивая себя, куда, зачем, для какого удовольствия, потом все-таки выходит на берег, ставит свои упругие босые ноги в песок, выдавливая следы, и долго с удовольствием смотрит на них, уверяя себя, что не знает, откуда они взялись.

Длинная юбка на ней вымокла и липнет к телу, тогда она весело задирает ее, подтыкает низ за пояс и снова лезет в воду, тихонько смеясь и жалея, что никто ее сейчас не видит. И до того хорошо, счастливо ей жить в эту минуту на свете, смотреть своими глазами на его красоту, находиться среди бурного и радостного, согласного во всем действия вечной жизни, что у нее кружится голова и сладко, взволнованно ноет в груди» [8. Т. 2. С. 149]. Свободное сердечное созерцание гармонии мироздания и глубокое осознание себя частью его — одна из ярких черт русского характера. Ибо, как утверждает В.К.Журавлев, «русский менталитет формировался как созерцание Божественной гармонии мироздания, его целостности, предопределяющей частности, детали осязаемой действительности» [3. С. 20]. В этом неустанном искании красоты, тонком и чутком восчувствовании всего земного особый дар русского человека, воспринимающего бессмертие жизни через вечное существование красоты: «... неужели эта красота еще и сейчас является людям ... Столько всяких на земле перемен — неужели одна она осталась прежней?» [8. Т. 2. С. 149].

Если «красота — это единственная духовность материи» (Н.Я.Данилевский), то любимое В.Распутиным высказывание Достоевского — «красота спасет мир» — он как бы стремится дополнить, утверждая: мир спасается благодаря одухотворенной красоте, воплощенной в человеческом мироощущении.

Героиня «Последнего срока» обладает свойством, составляющим силу движения жизни — духовной памятью, которая, по справедливому замечанию исследователя, в творчестве В.Распутина есть «высшая, превосходящая внешнюю целесообразность, привязанность человека к своей земле, природе, родным могилам, к народному прошлому ...» [4. С. 217].

Раздвигая границы проблематики «Прощания с Матёрой», В.Распутин дает возможность высказаться своей любимой героине Анне Степановне из «Последнего срока», только теперь устами ее духовной преемницы Дарьи Пинегиной. Подтверждением тому является признание самого писателя: «Что же касается старухи Дарьи. Она для меня как продолжение Анны... без такого характера, как Дарья, обойтись было невозможно. И еще потому, что старуха Анна в “Последнем сроке” не успела и не сумела в тех обстоятельствах сказать все, что она могла и хотела высказать нам, людям нового поколения» [6. С. 2].

В.Распутин неоднократно подчеркивал жизненную достоверность характеров своих героинь: «В сибирских деревнях постоянно встречаю женщин с сильными характерами. Их знают односельчане, к ним идут советоваться, жаловаться, просить поддержки...» [7. С. 143].

Старуха Дарья, по существу, народный философ, натура исключительная, отличается силой духа, твердостью характера, независимостью: «Дарья имела характер, который с годами не измяк, не повредился, и при случае умела постоять не только за себя. В каждом нашем поселенье всегда были и есть еще одна, а то и две старухи с характером, под защиту которых стягиваются слабые и страдальные...» [8. Т. 2. С. 226].

Но сила характеров Анны Степановны, Дарьи и других героинь В.Распутина определяется отнюдь не их эгоистической отгороженностью от внешнего мира. Напротив, их человеческий потенциал во многом зависит от укорененности в народной жизни. Так, старуха

Дарья выделяется среди материнских старух «своим строгим и справедливым характером» еще и потому, что сумела сохранить в себе те качества, которые были свойственны «прежним людям, полным строем ушедшим на покой» [8. Т. 2. С. 189]. Эта обращенность героини назад, к своим отцам и предкам говорит о том, что героине свойственно драгоценное чувство рода, ощущение того, что сейчас она лишь в малой доле живет на земле, а полная и истинная ее жизнь реализуется в бытии ее рода, в длинной цепочке людей, которые ей предшествовали и тех, кто будет следовать за ней.

Особенно рельефно и ярко представление русской женщины о своем земном предназначении и свойствах характера, способного это предназначение осуществить, воплощается в повестях В.Распутина в сценах воображаемой героинями смерти. Такова, например, полная эмоциональной приподнятости картина собственной кончины, возникающая в сознании Анны Степановны.

Как известно, русским народом выработано особое отношение к смерти. Как свидетельствует В.Белов, «смерть представлялась русскому крестьянину естественным, как рождение, но торжественным и грозным (а для многих верующих и радостным) событием, избавляющим от телесных страданий, связанных со старческой дряхлостью, и от нравственных мучений, вызванных невозможностью продолжать трудиться... У северного русского крестьянина — смерть не вызывала ни ужаса, ни отчаяния, тайна ее была равносильна тайне рождения... Естественная и закономерная последовательность в смене возрастных особенностей приводила к философско-религиозному и душевному равновесию, к спокойному восприятию конца собственного пути... Но встретить ее (смерть. — Г.Т.) спокойно мог только тот, кто достойно жил, стремился не делать зла и кто не был одинок, имел родных. По народному пониманию, чем больше грехов, тем труднее умирать» [2. С. 132].

Встреча со смертью представляется Анне Степановне страшноватой радостью, она подобна театральному действию с колокольным звоном и продуманными декорациями: «Немея от страха и радости, которых она никогда не испытывала, старуха мелкими шажками начнет продвигаться к протянутой руке, и тогда вдруг справа откроется широкий и чистый, как после дождя, простор, залитый ясным небесным светом ... рука свободно, как в рукавичку, входит в другую руку, ударит звон. Сначала он ударит громко, празднично, как в далекую старину, когда народ оповещали о рождении долгожданного наследника, потом лишний гром в нем уберется, и над старухиной головой поплывет, кружась, песенная перезвонница» [8. Т. 2. С. 142]. Такое восприятие собственной кончины свойственно Анне как носительнице народного христианского мироощущения. У главной героини «Последнего срока» проявляется спокойная примиренность с собственным уходом из жизни, как будто она добровольно уступает природному закону бытия — смене одного поколения другим. «Нет, ей не страшно умереть, всему свое место... изжилаась до самого доньшка, выкипела до последней капельки» [9. Т. 2. С. 143].

Лично чувствуемая преемственность родовой цепи, идущая от предков и передаваемая будущим потомкам — основа гармоничного народного мироощущения, но вместе с тем — и морально-психологическая подоплека, определяющая жизненные устои характера человека. Вот и Анне Степановне «есть от кого уходить и есть к кому уходить...». Свои знания, опыт и чувства она передала Михаилу, внучке Нинке, которая займет ее место. «... Нинка любила по утрам прибегать к бабушке, но сейчас старуха готова была плакать, что еще одна радость, которая выпадала ей в жизни, не оставила ее. Нинка все же помнила, где она, потому что сквозь сон пробормотала: «Вот ты умрешь, я всегда буду здесь спать» [8. Т. 2. С. 51]. Ребенок — символ будущего, новый свежий росток, призванный в этот мир для того, чтобы не прервалась родно-человеческая цепь. Смысл жизни открывается героине через призму смерти. Рождение человека и уход его из жизни — две точки отсчета в человеческом существовании и одно звено в цепи существования вечного мира: «Для того и приходит в мир человек, чтобы мир никогда не скудел без людей и не старел без детей» [8. Т. 2. С. 145].

В основе такой житейской философии — глубинные особенности народного мироощущения. В своем духовном проявлении человек в каждый момент своей жизни связан с движением времени: прошлым, настоящим и будущим. Героиня повести «Прощание с Матёрой», Дарья, убеждена в прочности и реальности того, что было в прошлом, и того, что должно произойти в будущем. Данная концепция времени связана с древней формой сознания, общей для всех народов. М.И.Стеблин-Каменский так охарактеризовал эту особенность определенной стадии развития сознания, исследованную на материале древнеисландских саг: «Общее во всех... представлениях о жизни после смерти только одно: для отдельного человека время не кончается со смертью, оно обладает прочностью. И эта прочность времени всего отчетливее в представлении о “живых мертвецах”, то есть о том, что человек остается после смерти, в сущности, таким же, каким он был при жизни. Вера в загробную жизнь не причина, а следствие представления о прочности времени. Не те или иные представления о жизни после смерти определяют отношение человека к смерти, а его представление о времени. Если время едино и прочно и для отдельного человека не кончается со смертью, то она не так уж и опасна. Она гораздо опаснее для человека, если пропасть лежит между временем в природе и временем в индивидуальном опыте, то, что было, и то, что будет, не существует, настоящее — единственная реальность, и оно — лишь миг, и сознание изолировано в нем, и нет у времени никакой прочности» [9. С. 119].

Русской национальной особенностью является сохранение реликтов архаического мировоззрения, что, впрочем, не исключает сосуществование в сознании русского человека совершенно иных черт и представлений. Данный тип мировоззрения привлек внимание В.Распутина и сделался неотъемлемой составной частью сознания героев, олицетворяющих особенности русского народного характера, именно потому, что его носитель ответственен перед памятью об ушедших предках и думами о будущих поколениях. Поколения предков для него не исчезали бесследно, но, переходя в иное бытие, существовали одновременно.

Именно в смене поколений Дарье дано ощущение бессмертия: глядя на своего сына и повзрослевшего внука Андрея, она думает: «Вот она, одна ниточка с узелками. От узелка до узелка столько, кажись, было годов — где оне? Мой-то узелок вот-вот растянут и заглядят, равный конец опустют, чтоб не видать было... чтоб с другого конца новый подвизать...» [8. Т. 2. С. 253]. По мысли писателя, такое спокойное принятие смерти обусловлено богатым жизненным опытом крестьянина-земледельца. Перед его глазами проходили посевы и жатвы, зима сменялась весной, осень роняла листву... И главными составляющими такого целесообразного кругооборота являются рождение и смерть. Ибо как сказано в Евангелии: «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» [Евангелие от Иоанна, гл. 12, ст. 24]. То есть живая природа не знает абсолютной смерти, каждая кончина засеивает новую жизнь, значит, не может быть пропасти между живыми и умершими, их связывает прочная «ниточка с узелками». Для Дарьи могилы предков — «животворящая святыня» (Пушкин), прошлое имеет силу настоящего. Души умерших живут как требовательная «правда памяти». На кладбище Дарье открывается эта истина: «Правда в памяти. У кого нет памяти, у того нет жизни» [8. Т. 2. С. 316]. Дарья твердо верит, что духовные энергии, передаваемые последующим поколениям умершими предками, реально существуют. Опору этой мировоззренческой интуиции героини следует искать в ее обращенности к своим корням. Ибо не даст ростков не умирающее, одинокое зерно. Дарья понимает себя ответчицей за непрерывность родовых связей, за часто неосознанно презираемое отношение к священной памяти предков. Мировоззрение материнских старух замешано на идее конкретной ответственности. Это фундаментальное свойство определено глубинными особенностями психологии, специфическим восприятием времени, обусловленными как архаичным мифологическим мышлением, так и христианской религиозной системой.

Для распутинских старух кладбище — «другая, более богатая деревня». Дарья заботится о могилах предков, настойчиво пытается спасти их от затопления. Как формальное соблюдение традиций не могут быть объяснены и внезапная догадка героини о том, что «только щас мамкин страх наверх вышел, что незряшний он был... догонит все ж таки мамку вода» [8. Т. 2. С. 198], и сочувствие к умершему мальчику за то, что ему похороненному отдельно, приходится лежать «в лесу, со зверьем», и вполне серьезная боязнь остаться после смерти без самовара: «А вот догадался бы, правда, что, кто самовар хоть одной в гроб положить. Как мы там без самовара останемся?» [8. Т. 2. С. 223]. Данные представления — слагаемые мифологического мировоззрения героини и других жителей Матёры. Такое сознание фиксирует в первую очередь главные явления космического ритма, природного кругооборота: рождение и смерть. Как было сказано выше, обладающий таким мышлением человек творит обряды, как бы подражая действиям космоса. Некоторые, возникшие в древности, обряды сохраняют свое значение для последующих поколений, потому что с их помощью осуществляется связь времен, в них — нравственная память поколений.

В «Последнем сроке» для спокойного ухода из жизни главной героине — Анне Степановне необходимо быть уверенной, что традиционный народный ритуал похоронного плача над ее гробом будет исполнен. И она терпеливо учит Варвару, свою старшую дочь, вековечному причету: «Ты, лебедушка моя, родимая матушка, куда же ты снарядилася, куда же ты сподобилася? В матушку сырую землю, к своему роду-племени» [8. Т. 2. С. 164]. Надо ей услышать то, что слышала, отлетая, душа-лебедушка ее матери и всех прежних матерей ее рода. И тогда не прервется связь времен, и Анне будет спокойно среди своих.

В «Прощании с Матёрой» торжественный и скорбный ритуал проводов покойника на кладбище становится для Дарьи Пинегиной образом прощания со своей родной избой. «Не обмыв, не обрядив во все лучшее, что только есть у него, покойника в гроб не кладут — так принято. А как можно отдать на смерть родную избу, из которой выносили отца и мать, деда и бабу, в которой сама она прожила всю, без малого, жизнь, отказав ей в том же обряженье?» — размышляет Дарья о своей избе, как о живой. И эта работа для нее — святое, «тут нужны собственные руки, как при похоронах матери облегчение дают собственные, а не заемные слезы». Дарья все делает без остановки, удивляясь, «что двигается, не падает — нет, вышло, значит, к ее собственным слабым силенкам какое-то отдельное и особое дополнение ради этой работы» [8. Т. 2. С. 323].

Она с трудом на полусожженном острове находит пихту и развешивает ее ветки по углам в чистой, выбеленной, прибранной избе: «вся изба сразу приняла скорбный и отрешенный, застывший лик. От пихты тотчас повеяло печальным курением последнего прощания» [8. Т. 2. С. 329]. Воспроизведение обряда помогает зримо выразить национальную самобытность русского народа. Ритуал прощания с родным домом предстает не только символом прощания с островом, родиной, крестьянским укладом, но и гибелью гармонично устроенной вселенной.

Главные героини повести воспринимают свой остров как центр вселенной. Наделяют его наилучшими качествами: изобилием, красотой, самодостаточностью: «Остров растянулся на пять с лишним верст, и не узенькой лентой, а уютгом, — было, где разместиться и пашне, и лесу, и болоту с лягушкой, а с нижней стороны за мелкой кривой протокой к Матёре близко подчаливал другой остров, который называли то Подмогой, то Подногой. Подмогой — понятно: чего не хватало на своей земле, брали здесь...» [8. Т. 2. С. 172].

Героини повестей В.Распутина не испытывают желаний и потребности освободиться от моральных норм, нравственных принципов народного мира, ведь они — его часть, «капля нации». Так, Анне Степановне из «Последнего срока» «никогда не приходило в голову, что хорошо бы стать на чье-то место, чтобы, как он, больше увидеть или легче, как он делать. Из своей шкуры не выскочишь — не змея. И никогда никому она не завидовала, как бы удачно он ни жил и с каким бы красивым лицом не ходил — для нее это было нисколько

не лучше, чем хотеть себе в матери чужую мать или в дети чужого ребенка. Своя жизнь — своя краса... после каждого несчастья она собирала себя из старых косточек, окропляла живой водой: ступай живи, без тебя никто на твое место не заступит, без тебя никто тобой не станет. Пока не избылась, будь, иначе нельзя» [8. Т. 2. С. 144]. В таком отношении к своей судьбе героинь В.Распутина некоторые критики готовы были увидеть проявления личностной пассивности и фатализма. Между тем, здесь тонко подмечена Распутиным черта психологии русского человека: какая-то безудержность в осуществлении дела, которым он увлечен.

Увлеченность делом, жизненная активность, деятельное начало — черты человеческой личности, в высшей степени свойственные Анне Степановне, старухе Дарье и другим персонажам писателя. На первый взгляд здесь нет чего-то чрезвычайно самобытного. Однако если вспомнить сложившиеся в нашей литературе стереотипы, нельзя будет не отметить новаторский взгляд В.Распутина на характер русского человека. Стало привычным изображать нравственно богатую личность соотечественника в состоянии деловой заторможенности и даже некоего равнодушия к действию, поступку. Достаточно вспомнить Илью Обломова, Платона Каратаева, в литературе XX века — Андрея Старцова, Ивана Вихрова, Юрия Живаго и т.д.

В героине В.Распутина акцентировано иное. В течение всей своей жизни она находится в неустанном движении: «По десять раз на дню старуха задирает в небо голову, чтобы посмотреть, где солнце, и спохватывалась — уже высоко, уже низко, а она все еще не поправилась с делами. Всегда одно и то же: теребили с чем-нибудь ребятишки, кричала скотина, ждал огород, а еще работа в поле, в лесу, в колхозе — вечная круговерть, в которой ей некогда было вздохнуть и оглядеться по сторонам, задержать в глазах и в душе красоту земли и неба» [8. Т. 2. С. 143]. Однако при всей стремительности и непрерывности повседневной деятельности она лишена суетливости и пустоты, ибо всегда освещена высшим смыслом — стремлением подтвердить свое земное предназначение.

Впрочем, тонко подмеченная В.Распутиным черта психологии русского человека, увлеченного делом, его безудержность в работе встречается в произведениях других писателей-современников. В.Белов, например, в повести «Привычное дело» отмечает это качество в своем Иване Африкановиче. «Иван Африканович не замечал, что шел по насту все скорее. Он всегда, когда размышлял, то незаметно для себя ускорял ходьбу. Опомнится — бежит, чуть ли не бегом...» [1. С. 40]. Заблудившись в лесу, главный герой «Привычного дела» «припомнил долгоногого кузнеца Митрошу, умершего лет шесть тому назад и не дожившего до девяноста всего трех с половиной недель. Тот, бывало, рассказывал, как шел однажды домой: «Иду с озера, спереди ноша, пуда два корзина с рыбой, да сзади пуда три. До того мне, парень, хорошо идти, птица по лесу поет всякая, солнышко теплое, садиться начало, а встал еще до зари, а надо было еще в тот день сруб окатать да лопату старухе насадить. Иду ходко вроде, устал, ноша тяжелая, да водяной с ней, все равно иду. Иду да и думаю, больно тихо иду. Дай-ка я побегу» [1. С. 138].

На долю Анны Степановны выпало нелегкое замужество, смерть детей, голод, тяжкая крестьянская участь — но все это не истощило душу, не придавило то неповторимо личное, что и позволяло ей ощущать свою собственную единственность, свою судьбу, как данную только ей меру счастья и горестей. По убеждению героини В.Распутина, недостойно считать своей только светлую половину жизни — это значило бы предать самое себя: «Справлять свою жизнь для нее было то радостью, то мучением — мучительной радостью, она не знала, где они сходились и где расходились, и что из них для нее было полезней, принимала их для себя же, для своего продолжения, для того, чтобы озариться их потайным огнем» [8. Т. 2. С. 144].

С неизбежностью встает вопрос о философском задании, которому подчинен сопоставительный анализ прошлого и настоящего, архаического и современного типов сознания

в «Прощании с Матёрой». Напряженные, подспудные размышления о природе человека и его родовой сущности, предопределяющих характер Анны Степановны — главной героини «Последнего срока», — были как бы растворены в тексте повести, в «Живи и помни» лишь изредка принимали форму открытых монологов или лирико-философских отступлений, а в «Прощании с Матёрой» вышли на передний план. Насыщенно-символическое звучание этой повести, использованные писателем элементы философской притчи расширяют смысл происходящего до общечеловеческого масштаба, судьбы целой земли. Происходит символическое прощание с натурально-природным укладом жизни. Драматическая коллизия расставания с Матёрой говорит о необходимом воссоединении природно-родовой и духовной основы жизни. Прощаться надо любовно-человечески, не отбрасывая все, нетленно-ценное, что было накоплено предыдущими поколениями. И с разумной рачительностью к земле и отчуждению дому, с совестью, умеряющей потребительский взгляд на жизнь, целесообразно преобразовывать и строить новую жизнь. Взгляд старухи Дарьи и позволяет соизмерить те отдаленные, призрачные цели свершающихся перемен и глубинные, связанные с включенностью человека и в общеприродную и космическую жизнь, во имя которых и совершается смена поколений.

В этом смысле ключевую роль играет философское отступление повествователя, раскрывающее цели, которым подчинен художественно-философский анализ в «Прощании с Матёрой»: «Ты — не только то, что ты носишь в себе, но и то, не всегда замечаемое, что вокруг тебя, ... — вот это все запомнится надолго и останется в душе незакатным светом и радостью. Быть может, лишь это одно и вечно, лишь оно, передаваемое, как дух святой, от человека к человеку, от отцов к детям и от детей к внукам, смущая и оберегая их, направляя и очищая, и вынесет когда-нибудь к чему-то, ради чего жили поколения людей...» [8. Т. 2. С. 262].

В повести Распутина отразился колоссальный по своим масштабам и последствиям качественный сдвиг в общественном сознании человечества, о котором еще в середине 1960-х гг. писал Н.Конрад: «В настоящее время человек подошел к овладению самыми сокровенными, самыми великими силами природы, и это поставило его перед острым вопросом — вопросом о себе самом. Кто он, человек, овладевающий силами природы? Каковы его права и обязанности по отношению к природе и к самому себе? И есть ли предел этих прав? А если есть, то каков он?» [5. С. 510]. Вряд ли сейчас есть возможности для ответов на эти вопросы. Но нет сомнения в том, что всемирно-исторический перелом сказался едва ли не в первую очередь на нравственно-психологическом составе человека, скорректировал его характер.

В.Распутин острее, чем другие ощутил катастрофическую переломность этого времени. И потому с первых страниц повести доминируют мотивы: последнего времени, лета, дней, ночи: «И опять наступила весна... последняя для Матёры» [8. Т. 2. С. 171], «...но теперь оставалось последнее лето: осенью поднимется вода» [8. Т. 2. С. 174], «этот последний, переломный год казался страшным» [8. Т. 2. С. 207], «отошла последняя ночь в Матёре, встало последнее утро», последней песни «прощально-поминальной, которую, оказывается, помнил и знал народ, которую словно для этой поры и хранил в себе...» [8. Т. 2. С. 248]. Дарья, в последний путь обрядив избу, «села на завалинку и, прислоняясь к избе, чувствуя спиной ее изношенное, шершавое, но теплое и живое дерево, вволю во всю свою беду и обиду заплакала — сухими, мучительными слезами: настолько горек и настолько радостен был этот последний, поданный из милости день», «...это были ее последние слезы» [8. Т. 2. С. 326].

Таким образом, эсхатологическая традиция при изображении русского народного характера в повестях В.Распутина «Последний срок» и «Прощание с Матёрой» реализуется в представлениях героев о предназначении человека, о бессмертии, которое видится им в преемственности поколений, непрерывности родовой цепи. Героини В.Распутина ощущают

единокровную слитность с природой, они способны тонко восчувствовать естественную взаимосвязь земного и небесного. Писатель осмысляет основные метафизические вопросы — загробного существования души, смысла человеческого бытия — в центральных христианских понятиях: универсальной человеческой греховности, вины, необходимости страдания в земной жизни, смирения, жертвенности. Ориентация поэтического мира В.Распутина на эсхатологические ценности при изображении русского национального характера чрезвычайно органична мировоззрению писателя как христианского художника.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белов В. Привычное дело. Б.м., 1976.
2. Белов В. Лад: Очерки по народной эстетике. М., 1982.
3. Журавлев В.К. Русский язык и Русский национальный характер: Сб. докл. IV Рождественских чтений. М., 1999.
4. Колобаева Л.А. Распутин — рассказчик // Русская словесность. 2002. № 2.
5. Конрад Н.И. Запад и восток: статьи. М., 1966.
6. Распутин В.Г. Передо мной оживают картины // Советская культура. 1977. 23 декабря.
7. Распутин В.Г. Быть самим собой // Вопросы литературы. 1976. № 9.
8. Распутин В.Г. Собрание сочинений: В 3 т. М., 1994.
9. Стеблин-Каменский М.И. Мир саги: становление литературы. М., 1984.